

Писания. Это понятие не раз оспаривали, поскольку, говоря о Септуагинте как богодухновенном переводе, свт. Климент Александрийский предполагал при этом и особое вдохновенное состояние *переводчиков* текста. Однако даже в этом допущении нет необходимости. Поскольку любой человеческий язык *в принципе* способен выразить изложенные в Писании идеи божественного домостроительства, можно допустить, что при *адекватном* выражении этих идей средствами чужого языка *носителем* богодухновенности становится перевод Священного Писания.

Такая постановка вопроса отнюдь не предполагает, что изучение текстов Писания на языке оригинала излишне. Она лишь помогает исследователю правильно распределить свои силы: одно лишь изучение языковых особенностей без проникновения во всю систему смысла Божественного Откровения не даст пользы для библейских исследований. Точная и адекватная формулировка понятия богодухновенности ставит перед современным исследователем задачу построения системы библейского богословия на основе синтеза филологических и исторических исследований со святоотеческой экзегезой и церковным Преданием.

*священник Александр Прокопчук
(ПСТГУ)*

О НАЗНАЧЕНИИ СВИДЕТЕЛЬСТВ В ЕВАНГЕЛИИ ОТ ИОАННА

В прошлом году нашему вниманию был предложен доклад о хиастическом построении Евангелия от Иоанна. Хотелось бы поблагодарить его автора, за то, что он рассказал о мало известной у нас гипотезе католических исследователей Герхарда и Эллиса. Плотный график конференции не оставил нам места для обсуждения. Но, ознакомившись с текстом выступления¹, стало понятно, что гипотеза Герхарда – Эллиса не выдержит никакой критики и является не более чем вымыслом. Приведу лишь несколько ярких примеров. При делении четвёртого Евангелия на 21 секвенцию, беседа с Никодимом озаглавлена: «О жизни вечной, ученичестве, воде и Духе», а беседа с самарянкой «Иисус есть Христос». Очевидно, что от продолжительного разговора у колодца Иакова о «жизни вечной, воде и Духе» в заглавии было оставлено только окончание. Повествование о Страстях названо: «Тело Иисуса разрушается», хотя в 18–19 главах об этом нет ни строчки. В отрывке 10.40–12.11 главным объявлено исповедание Марфы: «Иисус есть Христос». А воскрешение Лазаря и последовавшее за ним собрание синедриона, которое вынесло Иисусу смертный приговор, оказались вторичными событиями². Перечень подобных казусов можно продолжить. На лицо чисто школьный подгон «под ответ», когда фрагментам Евангелия даются названия для того, чтобы в итоге «получился» хиазм. Странно, что такой способ «открытий» нашёл себе апологетов.

Докладчик был уверен, что обращение к хиастическому параллелизму — это последний шанс, с помощью которого можно отстоять целостность четвёртого Еван-

¹ Альфа и Омега. М., 2004. 2(40). С. 44–58.

² Непонятно, почему при этом исповедание апостола Петра хиастического «веса» не имеет. Отрывок 6. 22–72 озаглавлен: «Разъяснительная беседа перед Пасхой: хлеб объясняется как Евхаристия».

гелия у рационалистической критики³. Я не собираюсь отрицать того, что отдельные части Евангелия от Иоанна имеют хиастическую структуру⁴. Но полагать, что весь евангельский материал можно зажать в тиски хиазма, по крайней мере, наивно и экзегетически безрезультатно⁵. И Джон Герхард, и создатели «теории форм» не видят в Евангелии от Иоанна нарративного принципа изложения, что демонстрирует весьма поверхностное понимание евангельского текста. Для того чтобы показать единство иоанновского повествования не обязательно выдвигать фантастические гипотезы, выдавая их за «первоначальный евангельский замысел», достаточно исследовать сам текст. Об этом мне хотелось бы рассказать вам сегодня.

«Судите праведным судом» (Ин. 7. 24) говорит Иисус народу, собравшемуся в Иерусалиме, на празднике Кущей. Но этот призыв не к ним, а к тем фарисеям, которые находились в толпе (7. 15). Это их Он спрашивает: «Почему ищите Меня убить?» (7. 19). Это им, знатокам закона (ср. 7. 49), Он на примере из Писания доказывает Свою невиновность (7. 22–23). Это ни один из них не соблюдает закона, потому что стремятся Его убить, без всякого судебного разбирательства. Таким образом, разговор ведётся в двух плоскостях: Иисус непосредственно общается с толпой паломников, но обращается Он к членам синедриона, которые присутствовали в толпе⁶ (7. 32). Из-за чего простые люди, большинство из которых видели Иисуса Христа впервые, не понимают, в чём Он их обвиняет⁷: «...бес в Тебе, кто Тебя ищет убить?» (7. 20).

Поэтому надо отметить отличительную особенность построения текста в этой главе. Беседа не является диалогом. Иисус отвечает не на вопросы, которые Ему заданы, а на те ситуации, которые возникают среди Его слушателей из-за того, что Он сказал⁸. В ответ на удивление иудеев тем, что Иисус так хорошо знает Писание (хотя нигде не учился), которое они высказывают друг другу, Он произносит: «Мое учение не Мое, но Пославшего Меня» (7.16). Зная, что фарисеи послали служителей Его арестовать, Он говорит о бесполезности этой затеи: «еще малое время Я с вами, будете искать Меня, и не найдете» (7.33–34).

Беседа в половине праздника Кущей, по сути, становится выступлением Иисуса на суде. Фарисеи обвиняют Его в нарушении закона, но сами при этом не желают его выполнять. Они готовы осудить Иисуса на смерть, даже не выслушав Его, без обязательного расследования. Поэтому Иисус просит их: «Судите праведным судом». Исцеление расслабленного явилось нарушением закона лишь «по наружности», ведь сам закон допускает то, что его можно не соблюдать в субботу.

«Разбирательство в суде» происходит и в следующей восьмой главе: «Тогда сказали Ему фарисеи: Ты о Себе Самом свидетельствуешь. Свидетельство Твое не ис-

³ «По гипотезе Герхарда, всё Иоанново Евангелие построено на хиазмах, и только признав это, можно обрести ключ к структуре этой книги».

⁴ Так, общепринято, что суд у Пилата (18.28–19.16) состоит из семи сцен, происходящих по очереди вне и внутри претории. Они образуют единое целое, центром которого является возложение на Иисуса венца и одеяние Его в багряницу.

⁵ Так, например, не ясно, что может дать для понимания Прощальной беседы и Первосвященнической молитвы (13–17 гл.) их предполагаемый хиастический параллелизм с беседой с Никодимом (3 гл.).

⁶ Точно так же в 3 гл.: «...и свидетельства нашего вы не принимаете» – Иисус обращается не к Никодиму, а к тем, кого он представляет.

⁷ В пятой главе собеседниками Иисуса Христа являются фарисеи, которые послали делегацию к Иоанну Крестителю, то есть религиозные начальники (ср. 7.26). Следовательно, простой народ, большая часть которого пришла в Иерусалим издалека, мог и не знать Его.

⁸ Исключение ст. 7.21.

тинно» (8.13). У ответчика отсутствует свидетель. Значит, Его слова суд принять не может. Иисус возражает на это: «Вы по плоти судите» (8.15), суждение иудеев о Нём поверхностно. Если они не знают, «откуда Он пришёл», в праве ли они подвергать сомнению истинность Его высказываний о Себе?

Но, в отличие от них, Он не судит никого. «Если же и Я сужу, то суд Мой истинен, ибо Я не один, но Я и Пославший Меня» (8.16). По закону необходимо свидетельство двоих. Вместе с Ним свидетельствует Его Отец. Но Кто Он, им не известно. Никакого второго свидетеля перед ними нет.

Иисус заявляет, что это Ему следует судить иудеев, но Он делает лишь то, что поручил Ему Отец⁹ (8:26). Они ищут убить Его как грешника, но сами умрут во грехе: «...ибо если вы не уверуете, что Я есмь, умрете вы в грехах ваших» (8.24).

В 9-й главе бывшего слепца ведут к фарисеям, потому что Иисуса нет, и окружению исцелённого неизвестно «где Он» (9.12). На самом деле это напоминает вызов свидетеля. Ведь самому прозревшему не предъявляют никаких обвинений. Расследуется дело Иисуса. Так как исцеление произошло в субботу, суд выясняет, виновен ли Иисус в нарушении субботы или нет? Не находя ответа, фарисеи спрашивают бывшего слепца: «...что скажешь о Нем ты?»¹⁰. Но для них недопустимо то, что он назвал Его пророком. Поэтому его вызывают повторно, для того, чтобы он отказался от предыдущих показаний.

Евангелист Иоанн показывает предвзятость подобного суда. Иудеев не интересует истина. Их мнение об Иисусе заведомо отрицательное. Сам слепорождённый ставит под сомнение беспристрастность такого суда. Его убедительная и неопровержимая логика оказывается не приемлемой для фарисеев. Не зная, как ему возразить, они с возмущением выгоняют его вон.

Перейдём к 18-й главе. В отличие от синоптиков, Иоанн не сообщает о собрании синедриона для осуждения Иисуса Христа. Допрос, который происходит у Анны, настоящим процессом не является; это, скорее, что-то вроде предварительного расследования, цель которого – собрать воедино все мотивы для обвинения. Вот почему Иисус защищает Себя, дважды требуя от Анны, чтобы тот обратился к свидетелям (ст. 21 и 23).

Однако это не означает, что евангелисту Иоанну безразлично, каким образом был осуждён Иисус. Суд у Пилата образует у него смысловой центр повествования о Страстях и занимает половину от всего объёма 18-й и 19-й глав (40 стихов из 81).

Заседания религиозного суда распределены по предыдущим главам¹¹. Поэтому в 18-й главе суда нет, он уже прошёл. Приговор был вынесен после воскрешения Лазаря. Но подсудимым является не Иисус, а те, кто добивались Его смерти: «Поэтому тот, кто Меня предал тебе, большой грех имеет» (19.11). Смерть Иисуса Хри-

⁹ Иисус отстраняется от суда не только здесь. После исцеления расслабленного Он говорит: «Не думайте, что Я буду обвинять вас пред Отцом: есть обвинитель на вас – Моисей, на которого вы возложили упование» (5.45). А после входа в Иерусалим Он скажет: «И если кто услышит Мои слова и не сохранит, Я не сужу его, ибо Я пришел не судить мир, но спасти мир. Для отвергающего Меня и не принимающего Моих слов есть судья: слово, которое Я изрек, оно будет судить его в последний день» (12.47–48).

¹⁰ Для того, что бы избежать его, родители слепого не хотят пересказывать то, что им уже было известно, так как могут быть отлучены от синагоги.

¹¹ То, что осуждение Иисуса не произойдёт раньше намеченного Богом срока, подчёркивается в неудачных попытках ареста (7.45, 8.20, 10.39) и желания побить Его камнями (8.59, 10.31, ср. 12.33).

ста выносит приговор миру: «Теперь суд миру сему; теперь князь мира сего извергнут будет вон» (12.31). Но, несмотря на это, судебный процесс ещё не закончился. Будут привлечены новые свидетели: «Когда придет Утешитель, Которого Я пошлю вам от Отца, Дух Истины, Он будет свидетельствовать о Мне. Но и вы свидетельствуйте, потому что от начала вы со Мною¹²». Греческое слово *Paraklete*¹³ применялось по отношению к судебным защитникам. Ему предстоит отстаивать истину и явить «миру его заблуждение о грехе и о праведности и о суде» (16.8).

Таким образом, всё Евангелие, оказывается, пронизано темой суда. Уже посланничество к Иоанну Крестителю носит характер судебного расследования, что бы избежать которое, «когда слышали фарисеи о том, что Иисус больше приобретает учеников и крестит, чем Иоанн» (4.1), Христос уходит из Иудеи в Самарию. Но дело не только в том, что уже с первых строк Евангелия мы слышим свидетеля, выступающего в защиту Иисуса. Суд начался не только для Иисуса Христа, но и для Его обвинителей: «А это есть суд, что свет пришел в мир, и возлюбили люди больше тьму, чем свет; ибо были лукавы дела их» (3.18–19).

Именно в контексте суда ставятся важнейшие темы четвёртого Евангелия: закона, греха, познания и истины:

Фарисеи уверены, что Иисус грешник (9.24). Но грех в том, что они не захотели верить: «Если бы Я не пришел и не говорил им, они не имели бы греха; теперь же извинения не имеют в грехе своем» (16.22).

Иудеи отрицают истинность слов Иисуса (8.12). Он отвечает им, что они не в праве судить об истинности его учения, так как истина, как таковая, им не известна. Они способны говорить лишь то, чему научил их диавол. Поэтому Христос обвиняет их в незнании ими Бога: «И вы не познали Его, Я же знаю Его. И если Я скажу, что не знаю Его, Я буду подобный вам лжец, но Я знаю Его и слово Его соблюдаю» (8.55).

После того как Иисус уйдёт из мира, мир обратит свою ненависть на Его последователей. Причина гонений заключается в неведении (15.21), в неспособности понять, что в человеке Иисусе невидимый Бог открыл Себя людям: «И это они будут делать, потому что не познали ни Отца, ни Меня» (16.3).

Настаивая на смерти Иисуса Христа, первосвященники ссылаются на закон: «У нас есть закон, и по закону Он должен умереть, потому что сделал Себя Сыном Божиим» (19.7). Однако закон заранее предсказал несправедливость этого обвинения: «Но да исполнится слово, в Законе их написанное: „Возненавидели Меня напрасно“» (15.25). Даже Понтий Пилат вынужден указать синедриону на отсутствие необходимого судебного рассмотрения: «Возьмите Его вы и по закону вашему судите Его» (18.31).

Поэтому тема суда не просто одна из центральных тем Евангелия от Иоанна, а герменевтический ключ, который открывает нам его содержание.

Таким образом, драма отвержения Сына Божия «изложена» апостолом Иоанном в виде судебной тяжбы. Именно в контексте судебного разбирательства ставится главная тема четвёртого Евангелия – веры в Иисуса Христа: «Верующий в Него не судится; неверующий уже осужден, потому что не уверовал во имя Единородного Сына Божия» (3.18). Поэтому Иисус постоянно призывает иудеев Ему поверить. Для этого Он привлекает свидетелей, которые могли бы убедить их. Это особенно

¹² Следовательно, нет того, чего бы они ни знали.

¹³ Буквально, тот, кого зовут на помощь.

наглядно видно в пятой главе. Иисус утверждает, что Он во всём наравне с Богом (5.19–29). Естественно, что у Его слушателей это не могло не вызвать отрицательной реакции, так как для них Бог не имеет Себе равных.

Для того, чтобы иудеи согласились с тем, что Он сказал, Иисус заявляет, что у Него есть свидетель, истинность свидетельства которого не может быть ими оспорена (5.32). Этим «другим» Свидетелем является Бог, Который подтвердил прерогативы Сына через Иоанна Крестителя, чудеса, совершённые Им и тексты Писаний.

Иоанн Креститель, к которому посылали иудеи, объявил им, что Иисус – «Сын Божий». А затем подтвердил эту истину: «Я не Христос, но Я послан перед Ним» (3.28). Впрочем, как Бог, Иисус не нуждается в человеческом свидетельстве, но напомнил о нём иудеям, чтобы они уверовали и были спасены.

Поэтому свидетельство «от человека» сменяется свидетельством Божиим. Потому что можно не доверять словам, но нельзя отрицать тех чудес, которые происходят у них на глазах и могут быть совершены лишь Богом. Это свидетельство больше, чем слова Иоанна, и доказывает, что Сына послал Отец (5.36). Однако для иудеев исцеление Иисусом расслабленного оставалось дерзким нарушением данного Богом закона, а не «делом, которое Отец дал Ему совершить».

Но если они не хотят принимать свидетельство Иоанна Крестителя и свидетельство дел Отца, то подтверждение Его словам они могли бы увидеть в Писаниях, рассмотрению которых посвящают столько времени. Они надеются, что, исследуя Писания, наследуют жизнь вечную. Но там они смогли бы найти множество свидетельств о Нем, которые должны привести их к Нему, чтобы получить жизнь (5.39–40).

Однако назначение свидетельств не исчерпывается тем, что Иисус ссылается на них, отстаивая Свою правоту. Свидетельства должны привести людей к вере. Поэтому они адресованы не столько Его оппонентам, сколько тем, кто способен верить.

Так, в прологе о Иоанне Крестителе сказано, что «он пришел для свидетельства, чтобы свидетельствовать о Свете, чтобы все уверовали чрез него» (1.7). Свидетельства Иоанна, которые он произносит на берегу Иордана, приводят к Иисусу первых учеников.

После неудачной попытки ареста на празднике Обновления Он возвратится на то место, где произошла их первая встреча. И многие пошли туда вслед за Ним и вспомнили там слова Иоанна: «Он есть Сын Божий» (1.34). Благодаря Крестителю они согласились с тем, что отвергали начальники в Иерусалиме, – богосыновство Иисуса Христа (10.36). Это указание становится последней точкой в описании служения Предтечи в четвёртом Евангелии. Иоанн был послан для того, что бы Израиль уверовал «через него». И вот множество людей приняли его свидетельство и поверили во Христа.

В беседе с Никодимом Иисус сообщает ему о происхождении свидетельств: «Истинно, истинно говорю тебе: что мы знаем, о том говорим, и что видели, о том свидетельствуем, и свидетельства нашего вы не принимаете» (3.11). Сказав «мы» Он объединил своё благовестие с проповедью Иоанна Крестителя. В Вифании, посланным к нему из Иерусалима священником, Иоанн объявил: «И я увидел и засвидетельствовал, что Он есть Сын Божий» (1.34). А в Еноне он говорит своим ученикам об Иисусе: «Что Он видел и слышал, о том свидетельствует, и свидетельства Его никто не принимает» (3.32). Итак, как свидетельства Иоанна, так и свидетельство Иисуса исходят из их непосредственного опыта.

На протяжении Евангелия Иисус не раз подчёркивает, что всё, что Он сказал, Он слышал и видел у Отца¹⁴. Следовательно, никто из людей не может подтвердить истинность Его слов. Для того чтобы принять их, нужна вера: «Принявший Его свидетельство печатью своею заверил, что Бог истинен» (3.33). Не принимающий свидетельств делает Бога лживым, так как не соглашается с тем, что «Тот, Кого послал Бог, говорит слова Божии» (3.34).

Однако свидетельство это не единственное, которое подтверждает истинность слов Иисуса. Различные подтверждения пронизывают всё евангельское повествование. Начнём с первой главы. Если бы пролог вдруг закончился на божественном задании, данном Иоанну, которое состояло в свидетельстве о Свете (ст. 7), то его содержание показалось бы нам отвлечёнными догматическими истинами. Но далее указывается, что «Слово стало плотью», и те, кто поверили Ему, увидели Его славу и были усыновлены Богом (ст. 8–14). После чего вступление вновь возвращается к свидетельству Иоанна. Однако в словах Крестителя мы не находим новых дополнительных сведений о Свете, Иоанн лишь сравнивает себя с Ним: «Идущий за мною впереди меня стал, потому что прежде меня был» (ст. 15). Это превосходство становится более наглядным, благодаря тому что мы уже узнали о Свете из Пролога. Таким образом, свидетельство Иоанна подытоживает предшествующие слова евангелиста и в то же время подтверждает их.

Покинув Крестителя, первые ученики уходят к Иисусу и сразу узнают в нём обетованного Мессию. Будущие апостолы сами убеждаются в том, что Иоанн «не Христос»¹⁵. Те наименования, которые они дают своему новому Учителю («Мессия», «о Ком написал Моисей в Законе и Пророки», «Царь Израилев») становятся продолжением свидетельств Предтечи («Агнец Божий», «Сын Божий», «крестящий Духом Святым»). Поэтому композиция первой главы предстаёт перед нами, как цепочка подтверждений: свидетельства Иоанна Крестителя продолжают содержание пролога, а мнения учеников об Иисусе завершают то, что о нём сказал Иоанн.

На протяжении Тайной вечери Иисус дважды замечает: «Говорю это вам уже теперь, прежде чем сбылось, дабы вы уверовали, когда сбудется» (13.19, 14.26). А в повествовании о Страстях евангелист отмечает, что Иисус заранее предсказал обстоятельства Своего ареста и осуждения на смерть: «Да исполнится слово, которое Он сказал: из тех, кого Ты даровал Мне, Я не погубил никого» (18.9); «Да исполнится слово Иисуса, которое Он сказал, давая понять, какую смертью предстояло Ему умирать» (18.32).

Ещё одним подтверждением является участие Никодима в погребении Иисуса Христа (19.39). Никодим становится свидетелем и участником крестной драмы, о которой он услышал в ночной беседе. Ночной разговор закончился ночным погребением.

И конечно нельзя не упомянуть о знамениях, которые становятся способом самооткровения Иисуса Христа, подтверждением истинности того, что Он сказал о Себе, «видимым доказательством правомочности Его притязаний» (Р. Браун).

Таким образом, те свидетельства, которые содержатся в евангельском тексте и о которых мы говорили выше, призваны помочь его читателям поверить. Что особенно наглядно видно в уверении Фомы, которое не только подтверждает действительность телесного Воскресения Иисуса Христа и реальность общения апостолов

¹⁴ 12.42.

¹⁵ 3.28 «Вы сами мне свидетели, что я сказал: “не я Христос, но я послан перед Ним”».

с Ним, но и вводит читателя в пространство веры¹⁶: «Блаженны не видевшие и поверившие» (20.29).

В заключение, всё вышеизложенное мы можем отнести к самому евангелисту Иоанну. Услышав свидетельство Предтечи: «вот Агнец Божий» (1.36), он следует за Иисусом вплоть до Голгофы и у креста подтверждает подлинность слов Предтечи: «Воины, когда увидели, что Он уже умер, не перебили у Него голеней... И видевший засвидетельствовал, и истинно его свидетельство, и он знает, что истинное говорит, чтобы и вы верили. Ибо произошло это, да исполнится Писание: Кость Его да не сокрушится» (Ин. 19.33–36).

Сам апостол выступает в своём Евангелии как свидетель. Большое количество подробностей убеждают нас, что оно было написано очевидцем описываемых событий, принадлежавшим к ближайшему окружению Господа Иисуса Христа.

Сам Иисус неоднократно указывает, что говорит лишь то, что видел, и от Себя не добавляет ничего. Этим правилом руководствуется и Его «возлюбленный ученик»: «...что мы слышали, что видели своими глазами, что мы созерцали и что руки наши осязали» (1 Ин. 1.1). Его Евангелие становится «протоколом» его свидетельских показаний. Он присутствовал при всех событиях, о которых написал. Поэтому мы всегда точно знаем, где и когда они произошли.

Мы уже обсудили двойное назначение свидетельств: они предназначены как для враждебного Христу мира, так и для тех, кто готов верить. Быть может, поэтому четвёртое Евангелие имеет два окончания. В первом автор сообщает, что видел свою цель в том, чтобы его читатели поверили ему: «Об этих же написано, чтобы вы веровали, что Иисус есть Христос, Сын Божий, и чтобы, веруя, имели жизнь во имя Его (Ин 20.31). А во втором отстаивает подлинность своего повествования: «Он и есть тот ученик, который свидетельствует об этом и написал это, и мы знаем, что истинно его свидетельство» (21.24).

*Тихомиров Б.А.
(СПбДА и С)*

ПЕРВЫЙ РУССКИЙ ПЕРЕВОД БИБЛИИ: ПОЗИЦИЯ СВЕТСКОЙ И ЦЕРКОВНОЙ ВЛАСТИ

Первым русским переводом Священного Писания стал перевод, осуществлявшийся в 1816–1826 годах под эгидой Российского библейского общества (РБО). Это был официальный проект, инициированный самим Государем Александром Павловичем. В его осуществлении активное участие приняли как церковные, так и светские лица. Его история знала свои и светлые, и трагические периоды и события. Попытка еще раз оценить некоторые из них и составляет предмет данного доклада¹.

¹⁶ Аналогично самаряне не только соглашались с тем, что женщина признала в Иисусе Мессию, но и исповедуют свою веру в Него: «Уже не по твоим рассказам веруем; ибо мы сами услышали и знаем, что Он есть воистину Спаситель мира» (4.42).

¹ Основным исследованием по истории русского перевода Библии в XIX столетии до настоящего времени продолжает оставаться книга профессора Санкт-Петербургской духовной академии И. А. Чистовича «История перевода Библии на русский язык» (СПб., 1873, 1899. Репринт-